

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ ДЖОНА ФОРАНА: ОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ВООБРАЖЕНИЮ

Д.Ю. Карасев

Кафедра истории и теории социологии
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Воробьевы горы, МГУ, 1-33, Москва, Россия, 119234

В статье осуществлен анализ социологии революции Дж. Форана, представлена периодизация теоретической и методологической эволюции взглядов социолога, приведены и разобраны основные работы, соответствующие выделенным этапам. Траектория развития социологии революции Дж. Форана во многом репрезентирует развитие новейшей сравнительно-исторической социологии революции в целом: от глубокого исторического исследования узкого ряда классических примеров к количественному исследованию предельно широкого диапазона примеров и исследованию «около-революционных» событий будущего. По мнению социолога, будущее революции можно помыслить тремя способами: 1) на основе анализа революций прошлого, 2) сквозь призму существующих теорий, 3) используя социологическое воображение. Этим трем способам соответствуют три этапа социологии Дж. Форана. За историческим исследованием зависимого развития и революций в Иране следует сравнительное (на основе булевого анализа) исследование 39 революционных событий в странах «третьего мира» и попытка представить образ революций будущего на примере сапатистской революции в Мексике 1994 г., а также борьбы движения за глобальную справедливость начала XXI в. Вопреки предметному и методологическому развитию центральным понятием теории Дж. Форана остается понятие «политической культуры оппозиции». Это комплексное понятие обозначает процесс, посредством которого под действием ряда материальных и дискурсивных элементов будущие участники революции обнаруживают общий дискурс, предписывающий им участие в коллективном действии, направленном на преобразование их обществ. Соответственно, социолог признает революцию результатом не только структурных условий, но и человеческой агентности, вызванной к действию не только политико-экономическими, но и культурными причинами. Структурный и культурный характер теории революции Дж. Форана обуславливает ее актуальность применительно к исследованию новейших революционных событий.

Ключевые слова: Джон Форан; социология революции; социальная революция; историческая социология; зависимое развитие; политическая культура оппозиции; постмодерновые революции.

Джон Форан — профессор социологии университета Санта Барбары. Сферой его научных интересов являются компаративные исследования революций XX в. и радикальных социальных изменений XXI в., развитие, климат, глобализа-

ция, а также движения за глобальную и климатическую справедливость. Исследование траектории развития его социологии революции представляется актуальным, поскольку последняя во многом репрезентует развитие современной (новейшей) сравнительно-исторической социологии революции в целом.

Испытав влияние неомарксизма, Дж. Форан начинает как исследователь зависимого развития, широко использующий методы мирсистемного анализа и исторического анализа на основе способов производства. Однако отчасти под влиянием «культурного поворота» в социологии 1980-х гг., отчасти под влиянием специфики предмета социолог дополняет классический структурный подход социологии революции, связанный с именами Б. Мура, Э. Вольфа, Т. Скочпол, Ч. Тилли, Дж. Пэйджа, методами культурного анализа в духе Э.П. Томпсона и «бирмингемской школы».

Центральным понятием теории революции Дж. Форана становится понятие «политической культуры оппозиции», позволяющее социологу свободно перемещаться от исследования истории к исследованию культуры и социальной структуры и обратно. В этом резкое отличие содержания понятия «политическая культура оппозиции» как от понятия «политической культуры» американской политической науки 1960-х, так и от понятия «культура» американской социологии культуры. Комплексное понятие политической культуры оппозиции определяется через ссылку на процессы, «посредством которых и обыкновенные граждане, и революционные лидеры приходят к восприятию экономических и политических реалий своих обществ, а также к формированию ряда представлений, которые одновременно создают ощущение этих условий, дают возможность выразить их претензии и обнаружить дискурс, способный предписать другим участвовать с ними в попытке переделать их общества» [6. Р. 237]. «Политическая культура оппозиции — продукт (впоследствии оказывающий обратное влияние) ряда материальных и дискурсивных элементов: от исторического опыта, который оформляет субъективность и вызывает эмоции, как это описывает Э.П. Томпсон, до всех тех проблем, которые были выявлены Т. Скочпол и У. Сьюэллом в спектре от культурных идиом до формально артикулируемых идеологий, и, следовательно, организаций и сетей социальных акторов, которые осуществляют или не осуществляют революцию» [2. Р. 219].

Помимо «культурного поворота» для развития теории революции Дж. Форана, как и всей новейшей социологии революции, характерно движение от сравнительно-исторической социологии революции, от глубокого исторического исследования частного примера (узкого ряда примеров) к широкому ряду примеров и общей теории. Наконец, еще одной общей магистралью выступает отказ от европоцентризма и исследование в одном ряду классических европейских революций (таких как Великая французская революция и Славная революция в Англии) и поздних революций Нового времени (таких как русская и китайская революции) к антиколониальным революциям, революциям в позднесовременных обществах (таким, как революции в Иране и Никарагуа 1979 г.) и «революциям» («refolutions») (1), связанным с распадом советского блока. В рамках современной социологии революции в едином ряду также исследуются революции и борьба радикальных революционных движений.

По мнению Дж. Форана, революции настоящего лучше объяснимы сквозь призму идеи о том, как будут выглядеть революции будущего. (Такой подход схож с методом исследования настоящего сквозь призму праптопии О. Тоффлера). Попытка помыслить будущее значительно отличается от попытки его предсказать и тем самым дает ученому свободу от методологических проблем научного прогнозирования. Дж. Форан выделяет три способа помыслить будущее революции: 1) на основе анализа революций прошлого, 2) сквозь призму существующих теорий, 3) используя социологическое (или иного рода) воображение [4. Р. 3].

В соответствии с данным приемом можно представить интеллектуальную траекторию социологии революций Дж. Форана — трем способам будут соответствовать три этапа исследований. Историческому анализу революции прошлого соответствует исследование зависимого развития и революции в Иране «Хрупкое сопротивление: социальная трансформация Ирана с 1500 г. до революции» [3]. Исследованию революций сквозь призму теории соответствует исследование причин и результатов революций в странах «третьего мира», на основе теоретико-методологических разработок на примере Ирана — «Взятие власти: о причинах революций в третьем мире» [8]. Наконец, этапу социологического воображения в социологии революции Форана соответствуют ряд эссе [4; 5; 6], посвященных проблематике радикальных социальных изменений в позднесовременных обществах, а также будущему социальной революции после 1989 г., где прообразом будущих феноменов выступают сапатистская революция в Мексике 1994 г., а также борьба различных движений за глобальную справедливость начала XXI в.

Выбор Иранской революции Дж. Фораном в качестве предмета исследования весьма показателен, поскольку сам этот исторический пример является краеугольным камнем современной социологии революции. Это обусловлено, во-первых, беспрецедентным характером этого исторического события: «ненасильственным» характером революции, ролью, сыгранной культурными, а не структурными факторами, характером революционной коалиции и т.д. Во-вторых, пример Иранской революции в определенном смысле «фальсифицирует» классическую теорию Т. Скочпол, толкая ее к написанию сборника «Революции в современном мире» [15]. Иран не был ослаблен войной, крестьянство не сыграло в иранской революции значимой роли, характер революционной коалиции был не столько межклассовым, сколько связанным с идентичностями. Наконец, если Скочпол постулировала возможность социальных революций в странах, не испытавших колониального влияния и иностранной интервенции, то пример истории зависимого развития Ирана свидетельствует об обратном. В рамках структурной методологии Скочпол настаивает на том, что «революции происходят, а не делаются». Выбор же Иранской революции в качестве предмета, напротив, позволят Форану подчеркнуть роль культуры и агентности в осуществлении революции.

В работе 1993 г. [3] Дж. Форан исследует политическую и социально-экономическую историю зависимого развития Ирана, разделяя ее на три этапа: 1) (1501—1722) появление исламского государства Иран и правление династии Сефевидов; 2) (1796—1925) правление династии Каджаров; 3) (1925—1979) правление династии Пехлеви, — вплоть до исламской революции Хомейни.

На примере Ирана социолог демонстрирует пример трансформации докапиталистической формации в экономику «зависимого» капитализма. Однако прочтение «Хрупкого сопротивления» исключительно как исторического исследования по политической экономии и трансформации социальной структуры Ирана было бы неверным. Необходимо отметить, что, описывая историю Ирана, предшествующую революции 1979 г., Дж. Форан демонстрирует процесс формирования успешной политической культуры оппозиции, вбирающей исторический опыт объединения народного недовольства вокруг идей и структурных условий.

До создания исламского государства Сефевидами «Иран, в основном, являлся или частью большей империи, или был расколот на маленькие куски, управляемые династиями» [3. Р. 19].

В экономическом смысле до Сефевидов Иран представлял собой «племенной феодализм». Используя военную мощь и религиозную идеологию ислама, Сефевиды создали первое исламское государство. (В самом общем смысле можно отметить, что объединение Ирана Сефевидами при помощи военной мощи и ислама является своего рода культурной моделью, архетипом объединения оппозиции под лозунгами «военного ислама» Хомейни в 1979 г.)

По мнению Дж. Форана, легитимация Сефевидов носила не только теократический, но и бюрократико-монархический характер, а социально-экономические отношения не могли быть адекватно объяснены отсылкой к какому-то конкретному «способу производства» — будь то «феодальному» или «азиатскому». В статье «Подход на основе способа производства к исследованию Ирана 17 в.» [10] находим возможности и ограничения, демонстрируемые данным подходом к осмыслению истории Ирана указанного периода. Долгосрочной причиной падения Сефевидов стало отрицательное сальдо торгового баланса вследствие обращения европейских торговцев к более дешевому индийскому шелку, а также мировая тенденция роста цен на продовольствие. К среднесрочным причинам Дж. Форан относит политический и идеологический конфликт между правящими классами: племенными вождями и придворными улемами, приводящий к циклам централизации-децентрализации абсолютистского государства Сефевидов. Краткосрочными причинами стала попустительская политика султана Хусейна и действия по насаждению шиитского ислама [9].

В период правления Каджаров начинается интеграция экономики Ирана в мировую экономику. Несмотря на то, что европейские торговцы прибывают в Иран еще в XVI в., устанавливая первые отношения между Западом и Ираном, скольконибудь значимое влияние на экономику и политику Ирана эти отношения начинают оказывать только в XVII в. В дополнение к тяжелым династическим, клановым войнам периода Каджары в отличие от Сефевидов оказываются неспособны к созданию «современной армии» и централизованного бюрократического государства, в результате чего Иран оказывается не в состоянии противостоять политическому и экономическому вмешательству Британской и Российской империй после XVIII в. Иностраный патронаж стал залогом правления династии. Переходный период правления Каджаров оказал колоссальное влияние на становление

«зависимого капитализма» в Иране. (Синхронический анализ и противопоставления периодов правления Каджаров и Сефевидов демонстрирует, что в символическом и культурном плане неудачная стратегия Каджаров выступает моделью стратегии Пехлеви в 1979 г.)

Таким образом, зависимый характер политики и экономики Ирана нашел отражение в политической культуре оппозиции, основанной на идеологии антизависимости, разработанной и регулярно используемой антиправительственными общественными движениями на протяжении истории.

Своего апогея «зависимое развитие» Ирана достигает в политических и экономических отношениях с США при династии Пехлеви. Помимо «зависимого капитализма» дополнительной причиной революции 1979 г. послужили крупномасштабные реформы, инициированные династией («белая революция Пехлеви»): централизация государства, коммерциализация сельского хозяйства, еще большее включение Ирана в международное разделение труда. «Автономным» источником развития революционного движения стала «созревшая» политическая культура оппозиции, инкорпорирующая богатый исторический опыт политической и экономической зависимости Ирана: опыт имперской провинции, феодальной раздробленности, объединения на основе шиитской идеологии, опыт Конституционной революции 1905 г., британской оккупации Ирана 1918 г., Гилянкой ССР и т.д.

По мнению Дж. Форана, все школы нового поколения (синтезирующие структурные и культурные объяснения) справедливо признают революционную роль, сыгранную исламом в Иранской революции. Однако, по убеждению социолога, политическая культура оппозиции, сплотившая широкий оппозиционный народный альянс в рамках Иранской революции, носила комплексный характер, и, как и всякая успешная культура оппозиции, объединяла и смешивала различные формальные идеологические дискурсы с «народными идиомами» применительно к узкому кругу вопросов, вызывающему наиболее сильное недовольство. Ислам не следует рассматривать в качестве единого и «чисто религиозного» каузального фактора соответствующей революции. В рамках революционного процесса имело место смешение: «военного ислама» Хомейни, «радикального ислама» Шариати, «либерального ислама» Базаргана, «демократического национализма» Национального фронта, «ортодоксального марксизма» народной партии, «радикального марксизма» Фадаян, «исламского социализма» моджахедов. Позже эти секулярные и исламские дискурсы были объединены под единым и абстрактным брендом ислама Хомейни.

Помимо причин возникновения оппозиционных движений на протяжении исследуемого отрезка иранской истории в монографии предпринята попытка объяснить их неудачи в политической и экономической сферах. По мнению Дж. Форана, все революционные движения Ирана (включая революцию 1979 г.) объединяет тот факт, что они не смогли сделать политическую систему более инклюзивной и демократичной, экономику менее зависимой и более развитой. В качестве объяснения «слабости», «хрупкости» сопротивления («fragile resistance») социолог апеллирует к комплексности социальной структуры Ирана, характеру политической культуры оппозиции, внутреннему и внешнему давлению на революционный режим.

Значительно упрощая, можно отметить, что комплексность социальной структуры Ирана была обусловлена тем, что различные способы производства («скотоводческо-кочевой», «участия в крестьянских урожаях», «мелкотоварный», «капиталистический») не сменяли друг друга последовательно, а, скорее, наслаивались друг на друга. Происходило наложение соответствующих этим способам элементов социальных структур. В результате на момент иранской революции связь между различными элементами социальной структуры и формальными идеологиями многократно усложнилась. Профессионалы и студенты, сыгравшие особенно значимую роль, отличались кросс-идеологической линией, были привержены разным идеологиям, прочие важные акторы — рабочий класс и городские маргиналы — не разделяли никакой конкретной идеологии, апеллируя в основном к исламской разновидности «моральной экономики». Отсутствие единой идеологии было свойственно иранским женщинам и этническим меньшинствам (таким как курды, азербайджанцы, турки). Общими и ключевыми моментами, которые сплотили революционную коалицию, объединив различные субъективные чувства, «народные идиомы», а также формальные идеологии, стали: во-первых, требование прекращения монархической автократии, и, следовательно, требование менее зависимой формы отношений между Ираном и США. Хомейни оказался харизматической фигурой, наиболее отчетливо и резко выдвинувшей оба требования: «шах продает Иран американцам» и с этим необходимо покончить. Кроме того «военный ислам» Хомейни оказался в выгодном свете на фоне поражения «либерального ислама» Базаргана (первого премьер-министра революционной исламской республики).

Следующим этапом социологии революции Дж. Форана выступает применение метода и принципов, разработанных на основе исследования «зависимого развития» Ирана, для объяснения причин и результатов революций в «третьем мире». Этой задаче служит работа 2005 г. [8], в которой автор исследует 39 примеров различных революционных событий, в зависимости от сочетания каузальных факторов и результатов революции разделенных на 6 типов: «удавшиеся социальные революции», «антиколониальные (социальные) революции», «неудавшиеся социальные революции», «попытки социальных революций», «политические революции», «отсутствие попытки революции». Форан исследует революционные события XX в., которые произошли в четырех периферийных регионах: Латинской Америке, Ближнем Востоке, Юго-Восточной Азии, Африке. В этой работе осуществляется своего рода верификация и генерализация множества каузальных механизмов, разработанных на основе исследования Ирана. Если исследование Ирана носит максимально глубокий (исторический) характер, то исследование революций в «третьем мире» — максимально широкий (сравнительный) характер. Соответственно, необходимой становится модификация технологии историко-сравнительного метода. Социолог обращается к количественному историко-сравнительному методу или «булевому анализу» (историко-сравнительный анализ с использованием «булевой алгебры», «булевой логики», таблиц истинности), идею которого Форан заимствует у Т. Викхам-Кроули [16].

Использование «булевого метода» становится характерной чертой новейшей социологии революции в силу обоснованного расширения ее предмета. Если обращение к сравнительно-историческому анализу на основе индуктивной логики Дж.С. Милля у истоков современной социологии революции было ответом на недостаточное количество примеров удавшихся социальных революций для использования методов статистического анализа, то с расширением предмета за счет различного рода революций в странах «третьего мира» сравнительно-исторический анализ на основе индуктивной логики превращается в обстоятельство, сдерживающее развитие дисциплины. Кроме того, «булев метод» лишь на первый взгляд кажется исключительно количественным, в действительности же он подразумевает качественный анализ, как и всякий историко-сравнительный метод. Помимо Т. Викхам-Кроули и Дж. Форана к «булевому методу» обращается и Дж. Голдстоун [12. Р. 10—16].

Согласно синтезу Дж. Форана в случае объяснения революций в «третьем мире» необходимо уделять равное внимание таким «извечным (и слишком часто овеществляемым)» дихотомиям, как структура и агентность, политическая экономика и культура, государство и социальные структуры, внутренние и внешние факторы. «Я утверждаю, что чтобы социальная революция произошла, должна иметь место комбинация пяти взаимосвязанных казуальных факторов.

А) *Зависимое развитие*, процесс роста, ограниченный включением страны в мировую капиталистическую экономику, создающий социальные и экономические недовольства широких слоев населения.

В) *Репрессивное, исключаящее, персоналистское государство*, возглавляемое диктатором или колониальными властями, часто отчужденными от средних и высших классов, предоставляющих общую цель для низовых общественных движений.

С) Создание широким спектром акторов *эффективной и могущественной политической культуры оппозиции*, покоящейся на формальных идеологиях, таких как социализм, народных традициях, таких как память о борьбе в прошлом и народных идиомах, таких как национализм, социальная справедливость или конец диктатуры.

Д) Революционные кризисы, созданные комбинацией *экономических спадов*, которые в свою очередь могут выступать результатом хода революционной борьбы.

Е) *Мирсистемная открытость* или ослабление контроля, происходящее по причине раскола в экономиках ядра вследствие мировой войны или экономической депрессии, соперничества между силами ядра, смешанными сообщениями, посылаемыми диктаторам Третьего мира или разделением иностранных политиков, столкнувшихся с неповиновением» [8. Р. 18—24].

На примере Ирана указанная схема причин революции имеет следующее «качественное» наполнение: 25-летняя индустриализация нефтеперерабатывающей отрасли и зависимое развитие при репрессивном монархическом правлении шаха; объединение секулярной и исламской культур оппозиции; нефтяные кризисы, падение цен на нефть, вызвавшее рецессию экономики Ирана и ориентированная на права человека внешняя политика Дж. Картера, ослабившая шахские репрессии.

Подобное качественное описание воздействия каждого из пяти факторов Дж. Форан представляет для каждого из отобранных 39 примеров.

В методологическом смысле социология зависимого развития позволяет Дж. Форану соединить сильные стороны неомарксизма и теории модернизации. Результатом является трехуровневая модель: мирсистемный анализ (объясняет внешние импульсы), анализ на основе способа производства (объясняет опосредование внешнего влияния на общество), классовый анализ (внутренний конфликт).

Понятие политической культуры оппозиции обозначает процесс символически опосредованного влияния структурных условий на динамику революционного движения, а также определяет возможные революционные изменения социальных структур. Объединение политической культуры оппозиции и классового анализа позволяет осветить вопрос распада революционной коалиции как залога провала широких социально-экономических и классовых изменений после революции.

В «третьем мире» революции зачатую направлены против двух типов государства: во-первых, противоположных демократиям персоналистских диктатур или колониальных режимов, и, во-вторых, против действительно открытых обществ, в которых левые имеют равные шансы на электоральную победу (как в Чили 1970-х гг.). Их причиной являются социально-экономическое неравенство, вызванное как краткосрочными, так и среднесрочными последствиями «зависимого развития», т.е. такого экономического роста, который приносил выгоду лишь немногим, в то время как экономические риски и недостаток ресурсов делились между всеми. Революции были бы невозможны без политических культур оппозиций, создававших по крайней мере на время общее видение, общую почву и т.д. Они происходили, только когда мирсистема предоставляла свободу для маневра: поощряла революционное движение или по различным причинам не препятствовала революции. Наконец, революционная коалиция с необходимостью должна была включать кросс-классовый альянс низших классов, средних классов и элит, кросс-гендерный альянс: женщин наравне с мужчинами, и в определенной степени кросс-этнический альянс: радикальных и этнических меньшинств с этническим большинством. Более подробно вопрос широты революционной коалиции рассмотрен Фораном в статье 2001 г. [7].

Обобщенно основные положения теории революционных результатов в странах «третьего мира» Дж. Форана возможно также изложить в пяти тезисах.

1. Действительно демократические структуры трудно сконструировать непосредственно вслед за революциями против диктаторов, в то время как демократически избранные революционеры оказываются уязвимыми для не-демократических оппонентов, внутренних и внешних.

2. Зависимое развитие обладает собственными историческими корнями, которые препятствуют поступательному развитию и не могут быть единовременно искоренены революцией, однако значительная часть материальной ситуации большинства может быть улучшена в краткосрочной или среднесрочной перспективе.

3. Препятствия в формировании новой политической культуры оппозиции по конструированию нового общества быстрее преодолеваются там, где присут-

ствуется разнообразие субпотоков, которые вносят свой вклад в изначальную победу, и осложняется структурными обстоятельствами, с которыми сталкиваются все революции.

4. Лишь немногие революции способны выдержать обновленное контрреволюционное давление со стороны доминирующих стран зарубежья и их региональных союзников.

5. Учитывая вышеизложенное, широкие коалиции, которые так эффективны в процессе революционной борьбы, трудно держать сплоченными по причине различного видения того, как необходимо переделать общество, и неравных возможностей сделать свое видение преобладающим; тем не менее, участие женщин и национальных меньшинств в коалиции является лучшим сдерживающим средством восстановления патриархата и расизма после революции [5].

Кроме того, все революции в странах «третьего мира» объединяет тот факт, что ни одно революционное движение XX в. не привело к реализации общих намерений участников. Паттерны зависимого развития, иностранное военное давление и парадокс широты революционной коалиции обусловили разочаровывающие результаты авторитарного и относительно бедного социализма в России, Китае, Кубе и Вьетнаме (единственные революции, просуществовавшие дольше жизни одного поколения, за исключением Ирана, где степень экономических изменений была ограничена). Насильственное свержение революций в Гватемале, Чили и Гренаде; медленно задушенные реформы, приведшие к политической реверсии в Мексике (к 1940 г.), Боливии (к 1960 г.), Ямайка при М. Мэнли и Сандинистской революции в Никарагуа, заблокированный путь к власти во Франции 1968 г., Эль Сальвадоре 1980-х гг., Китае 1989 г. и Ираке в 1991 г. И это не упоминая о сужении социальной революции до политической, как в случае Филиппин 1986 г., Заира в 1996 г. и прочих более комплексных примеров, как-то реформистские капиталистические революции в Восточной Европе и зрелищное свержение апартеида в 1990-х гг.

Сравнивая результаты революций в Иране и Никарагуа [11], Дж. Форан и Дж. Гудвин приходят к заключению, что в случае обеих революций был установлен более сильный и пользующийся большей поддержкой бюрократический режим (точно в соответствии с теорией результатов Т. Скочпол). Кроме того, революционным государствам удалось отразить внешнее военное вторжение. Однако обе революции не смогли добиться радикальных трансформаций экономической и классовой структуры обществ и потому могут быть рассмотрены в качестве неудавшихся «Великих революций». Но ни в одной из стран лидеры не пошли дальше национализации и смешанной государственной экономики. Хотя высшие земельные классы были ослаблены, заметный вес набрали средние земельные собственники и бизнесмены, поэтому в целом неравенство мало сократилось. К тому же полностью влияния высший класс нигде не потерял, как и в большинстве стран «третьего мира».

Еще одним интересным теоретическим ходом Дж. Форана, разработанным им на основе исследования революций в «третьем мире», стало признание «функциональной эквивалентности» силового захвата власти революционерами приходу их к власти путем демократических выборов при условии последующих реформ

(например, У. Чавес 1998 г., Э. Моралес 2005 г., Д. Ортега 2006 г.). Парадокс демократически избранных революционных режимов состоит в том, что условия зависимого развития не позволяют им выполнить электоральных обещаний.

Надежды на обновление феномена революции Дж. Форан связывает с формированием новой политической культуры оппозиции в эпоху глобализации. Прообраз новой политической культуры оппозиции разрабатывается социологом на основе анализа сапатистской революции в Мексике 1994 г., а также движений за глобальную и климатическую справедливость.

Двумя центральными вопросами третьего этапа социологии революции Форана выступают следующие: «В условиях становления капиталистической глобализации окончен ли век революций?», «Как революции будущего (откуда бы они ни происходили) могут привести к лучшим результатам?» [5]. Для ответа на эти и многие другие вопросы социолог дополняет сравнительно-исторический метод методом социологии воображения, а исторические данные — еще только развивающимися, совершенно новыми революционными практиками. Например, в пятифакторную каузальную модель, разработанную для объяснения революций XX в. в странах «третьего мира», подставляются революционные практики и реалии, появляющиеся в XXI в.: место зависимого развития занимает неолиберальная глобализация, способствующая росту глобального неравенства, место репрессивного персоналистского режима занимает империализм США и т.д. Применительно к структуре политической культуры оппозиции формальные идеологии социализма и национализма дополняются идеологией демократии участия. На смену функционально-линейной иерархической (партийной) структуре революционного движения приходит горизонтальная самоорганизующаяся гетерогенная сетевая структура на основе использования информационных технологий и т.д.

Для обозначения своего проекта социологии революции, объединяющей метод исторической социологии и социологии воображения, Дж. Форан использует понятие «магического реализма», когерентное понятиям «конкретного утопизма» П. Андерсона и «диалектического утопизма» Д. Харви, отсылающее к креативному потенциалу людей вопреки историческим и экономико-политическим структурным обстоятельствам.

Если рост глобального социального неравенства в условиях неолиберальной глобализации, а также усиление его видимости и значимости под воздействием эффекта глобальной коммуникации заставляют Дж. Форана склоняться к положительному ответу на вопрос о возможности революции в условиях глобализации, то ослабление роли национального государства (в качестве цели революционеров) в условиях глобализации приводит к необходимости переопределения самого понятия революции [13]. Революция больше не связана с классовым коллективным действием «по разрушению и реконструкции государственной власти», но с неопределенными общественными движениями, подрывающими власть, поисками автономии от нее (поисками идентичности по сути).

С развитием постиндустриального общества классовые формы общественных движений заменяются движениями на основе различных идентичностей: гендер, культура, этническая группа, нация, религия, раса. «Идентичность дискурсивная и культурно конструируемая в этом смысле является прямой противоположностью

социальным классам как объективным структурам социального неравенства и жизненных шансов» [14]. В эпоху глобализации само понятие революции как борьбы за государственную власть с целью осуществления всеобъемлющих изменений становится «избыточным», поскольку мировые денежные потоки, потоки власти и информации обходят и минуют национальные государства, растворяя власть последних.

Двумя другими проблемами, связанными с возможностью революции в эпоху глобализации, выступают влияние демократии и информационных технологий.

По мнению Форана, оба феномена оказывают амбивалентное влияние на возможность революции.

С одной стороны, по мнению ряда теоретиков, демократия, хотя бы формальная, делает революцию невозможной, с другой, утопия демократии участия становится революционной идеологией наряду с социализмом и национализмом. Что касается информационных технологий, то, отказываясь от захвата власти, революции будущего неизбежно совпадают с технической революцией «информационного века», также размывающей политическую власть. С другой стороны, движения за глобальную справедливость ищут возможность уклониться от угнетающих форм инструментальной рациональности и использования технологий властью и капиталом.

Для описания новых культур оппозиции, возникающих в ответ на неолиберальную глобализацию, Дж. Форан использует понятие «постмодерновой культуры оппозиции». В соответствии с методом «социологического воображения» социолог осуществляет сравнение еще только появляющихся «постмодерновых культур оппозиции» с модерновыми, воплощением которых стали революции в Мексике, России, Китае, Кубе, Иране и Никарагуа.

Помимо негативных эмоций политического исключения, социального и культурного неравенства, эксплуатации, усиленных глобализацией, новая политическая культура оппозиции основана на эмоциях любви, надежды, справедливости. Революционными идеологиями по-прежнему служат идеологии социализма, национализма, либертарианства, к ним также добавляется демократия, однако все они представляют собой сильнейшим образом размытые, смешанные с народными идиомами и преобразованные под волонтаристским мировоззрением лидеров конструкции. Вместо иерархического арьергарда на смену революционной организации приходят горизонтальные сети, основанные на принципах децентрализации, неиерархической консенсусной демократии. На смену авторитарной и харизматической фигуре лидера приходит образ «субкоманданте Маркоса», скрывающего свое лицо и «управляющего подчиняясь». На смену хорошо разработанных универсалистских идиом и программ приходят партикулярные идиомы меньшинств: «Вы нас даже не представляете», отсутствие единой программы, отражающие гетерогенность протестующих, и т.д.

Прообразом «постмодерновой политической культуры» становятся ключевые принципы и практики Сапатистов, такие как: «*mandar obedeciendo*» («управлять, подчиняясь»), согласно которому лидеры служат сообществу и его борьбе, а не наоборот, «*todo para todos y nada para nosotros*» («все для каждого и ничего для нас/меня»), «*caminamos preguntando*» («мы идем, вопрошая»), «ходить медленнее»

(т.е. признание того, что изменения являются долгим и медленным процессом, что изменений невозможно добиться только путем захвата власти или электоральной победы) и т.д. [1]. «Способны ли эти новые политические культуры создать некую разновидность революции?» [6. Р. 249], зависит от того, насколько им удастся учесть опыт успешных «модерновых» культур оппозиции.

Таким образом, от исследований истории Ирана и иранской революции Дж. Форан переходит к исследованию революций XX в. в странах «третьего мира» и к «постмодерновым революциям» и движениям за глобальную справедливость XXI в. В методологическом плане эволюции предмета соответствует переход от исторического метода на базе теорий зависимости, классового анализа и анализа на основе способа производства к качественно-количественному сравнительно-историческому «булевому» методу с дополнением вышеуказанных теорий анализом на основе понятия «политической культуры оппозиции» и к методу социологии воображения на основе теоретических взглядов близких к конструктивизму, учитывающих роль культуры, структуры и агентности. Логично предположить, что вслед за «историческим поворотом» социологии революции последуют на новейшей стадии ее развития культурный и антропологический повороты.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Понятие «refolution» и «re-election» были введены Т.Г. Ашем применительно к описанию падения посткоммунистических режимов в Восточной Европе в 1989 г.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Карасев Д.Ю.* Теория постмодерновых революций Джона Форана // Вестник Московского университета им. М.В. Ломоносова. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3.
- [2] *Foran J.* Discourses and Social Forces // *Theorizing Revolutions* / Ed. by J. Foran. N.Y.: Routledge, 1997.
- [3] *Foran J.* Fragile Resistance: Social Transformation in Iran from 1500 to the Revolution. Boulder (CO): Westview Press, 1993.
- [4] *Foran J.* Introduction to the Future of Revolutions // *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. N.Y.: Zed Books, 2003.
- [5] *Foran J.* Magical Realism: How Might the Revolution of the Future have Better End(ing)s? // *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. N.Y.: Zed Books, 2003.
- [6] *Foran J.* New political cultures of opposition: what future for revolutions? // *Revolution in the making of the modern world: social identities, globalization, and modernity* / Ed. by J. Foran, D. Lane, A. Zivkovic. N.Y.: Routledge, 2008.
- [7] *Foran J.* Studying Revolutions through the Prism of Race, Gender, and Class: Notes toward a Framework // *Race, Gender & Class*. 2001. Vol. 8. No. 2.
- [8] *Foran J.* Taking Power: On the Origins of Third World Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- [9] *Foran J.* The Long Fall of the Safavid Dynasty: Moving beyond the Standard Views // *International Journal of Middle East Studies*. 1992. Vol. 24. No. 2.
- [10] *Foran J.* The Modes of Production Approach to Seventeenth-Century Iran // *International Journal of Middle East Studies*. 1988. Vol. 20. No. 3.
- [11] *Foran J., Goodwin J.* Revolutionary Outcomes in Iran and Nicaragua: Coalition Fragmentation, War, and the Limits of Social Transformation // *Theory and Society*. 1993. Vol. 22. № 2.

- [12] *Goldstone J.* Revolution and rebellion in the early modern world. Berkeley: University of California Press, 1991.
- [13] *Paige J.* Finding the revolutionary in the revolution: social science concepts and the future of revolution // *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization.* N.Y.: Zed Books, 2003.
- [14] Revolution in the making of the modern world J. Foran, et al. // *Revolution in the making of the modern world: social identities, globalization, and modernity / Ed. by J. Foran, D. Lane, A. Zivkovic.* N.Y.: Routledge, 2008.
- [15] *Skocpol T.* Social revolution in the modern world. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- [16] *Wickham-Crowley T.* Exploring Revolution: Essays on Latin American Insurgency and Revolutionary Theory. Armonk. N.Y.: Sharpe, 1991.

JOHN FORAN'S SOCIOLOGY OF REVOLUTION: FROM HISTORICAL SOCIOLOGY TO THE SOCIOLOGICAL IMAGINATION

D.Yu. Karasyev

Chair of History and Theory of Sociology
Moscow State University
Vorob'evy gory, 1-33, Moscow, Russia, 119234

The article considers J. Foran's sociology of revolution through the stages of evolution of his theoretical and methodological views and the works representing them. The trajectory of Foran's sociology of revolution reflects in many respects the development of the contemporary comparative and historical sociology of revolution: from the fundamental historical research of a few classical cases to the quantitative study of an extremely wide range of examples and after that to the prediction of the 'revolution-like' events' in future. According to Foran, there are three ways to consider the future of revolutions: 1) the analysis of the revolutions of the past, 2) the look into the future in terms of the existing theories, 3) the sources of sociological imagination. These three methods correspond to three stages in Foran's sociology of revolution: after conducting the historical study of the situation and revolutions in Iran, the comparative analysis of 39 revolution events in the Third World countries and then an attempt to imagine patterns of future revolutions on the example of Zapatistas' revolution in Mexico in 1994 and the struggle for global justice at the beginning of the XXI century. Despite the evolution of the subject and methodology of the theory, the concept 'political culture of opposition' remained the central category of Foran's model. This complex notion describes such social process when under the influence of material and discursive elements the revolutionaries found out some common discourse that prescribed them to participate in collective actions to change their societies. Thus, Foran states that revolutions are the product of both structural conditions and human agency and the latter is due to both political-economic and cultural reasons. The cultural-structural character of Foran's approach makes it relevant for the study of contemporary revolutionary events.

Key words: John Foran; sociology of revolution; a social revolution; historical sociology; dependent development; political culture of opposition; postmodern revolutions.

REFERENCES

- [1] *Karasyev D.Ju.* Teorija postmodernovyh revoljucij J. Forana [John Foran's theory of post-modern revolutions] // *Vestnik Moskovskogo universiteta im. M.V. Lomonosova. Serija 18: Sociologija i politologija.* 2013. № 3.